

ТЕРАКТ

ИСТОРИИ

**«Крокус» — как «Норд-Ост» и Беслан.
Россияне отвыкли жить в эпоху
терактов. Оказалось, что рано Выпуск
рассылки «Сигнал» на «Медузе»**

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android.

Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке. Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Двадцать лет назад теракты в России были страшной обыденностью. В одном только 2004 году: подрыв поезда в московском метро (42 жертвы), взрыв на стадионе в Грозном (семь жертв, в том числе Ахмат Кадыров), взрывы самолетов Москва—Волгоград и Москва—Сочи (89 жертв), взрыв в Москве у метро «Рижская» (11 жертв), захват школы в Беслане (333 жертвы). Мы уже почти забыли, каково это — жить в эпоху терроризма. Но эта эпоха не закончилась — и воспоминания о том, что было 20 лет назад, во многом определяют, как мы относимся к тому, что происходит сейчас.

Этот текст впервые опубликован в имейл-рассылке «Сигнал» от создателей «Медузы» 23 марта 2024 года.

Хотя ФСБ объявила о задержании исполнителей, организаторы теракта пока точно неизвестны. Путин в своем обращении говорил о «международном терроризме» — это традиционный эвфемизм для джихадистского движения, в том числе «Исламского государства».

Часто вспоминают предупреждение, которое в начале марта распространило посольство США в России — там

говорилося, что в Москве в ближайшие дни планируется теракт. Американским гражданам советовали избегать больших скоплений людей, в том числе концертов. Латвия, Южная Корея, Швеция, Канада, Германия и Чехия тогда присоединились к предупреждению.

Американские чиновники считают, что теракт — дело рук «Исламского государства». В пользу этой версии говорит и схожесть атаки с нападением на театр «Батаклан» в Париже в 2015 году.

Насколько можно судить по социальным сетям, версия с «Исламским государством» не вызывает большого доверия у публики — гораздо чаще обсуждаются две другие, которые ближе к российским реалиям.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Перед глазами — улица. У каждого дома — крышка гроба» 15 лет назад террористы захватили школу № 1 в Беслане. Мы поговорили с журналистами, которые освещали теракт

Сейчас ФСБ и пропагандисты все чаще говорят об «украинском следе». Главред RT Маргарита Симоньян прямо называет версию про «Исламское государство» фейком и иносказательно обвиняет в организации теракта Украину вместе с «коллективным Западом». Зет-патриоты единодушно критикуют бессилие российских силовиков,

но не определились с организаторами — то ли это дело рук западных спецслужб, то ли Киева. О возможной вине «киевского режима» почти сразу заявил Дмитрий Медведев. Кроме того, о причастности к теракту Украины говорил в своем обращении и Путин — правда, с оговоркой «по предварительным данным».

Противники Кремля считают, что теракт устроили российские власти. По этому поводу они вспоминают «рязанский сахар» — теорию о том, что взрывы домов в Москве в конце девяностых были устроены ФСБ. Эта теория набирает популярность — в день теракта посещаемость страницы о взрывах в Москве в «Википедии» выросла более чем в 200 раз. По мнению оппозиции, теракт позволит «закрутить гайки» после победы Путина на «выборах» и объявить вторую волну мобилизации.

Оценивать все эти версии пока рано. Но ощущение, объединившее россиян 22 марта, не имеет отношения к версиям. Больше десяти лет для большинства из них теракты — это либо нечто, происходившее где-то далеко и с кем-то другим, либо мало что значащее слово из сообщений ФСБ об очередной успешной операции по предотвращению чьей-то попытки «дестабилизировать социально-политическую обстановку» в стране.

Воспоминания о тех временах, когда теракты и ожидание терактов были страшной обыденностью, казалось бы,

были надежно погребены — но в одночасье вырвались на поверхность. И они уже определяют то, как мы воспринимаем происходящее прямо сейчас.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Пока мы метались по моргам, власти раздавали друг другу ордена» 20 лет назад террористы захватили «Норд-Ост». Вот рассказ отца погибшей там 14-летней девочки — о том, как этот теракт (не) изменил Россию

Пандемия, война, прилеты дронов, обстрелы приграничных городов — все это и близко не вызывало такой реакции. «Крокус» — как и Беслан, как и «Норд-Ост» — станет названием, навсегда связанным с терактом. И очень многие до конца жизни будут помнить, что именно они делали и где были, когда впервые услышали о людях с автоматами, ворвавшихся в концертный зал.

Что мы помним?

Практически любое коллективное переживание травмирующих событий объединяет даже самое разрозненное и атомизированное общество. Совместный опыт войн, масштабного политического насилия, экономических кризисов, природных и техногенных

катастроф, а также террористических атак часто становится частью гражданской идентичности.

В коллективном восприятии недавних травматичных событий (и террористических атак в особенности) часто видны противоречия. Но ожесточенные споры о том, можно ли было бы предотвратить теракт, насколько адекватно и пропорционально отреагировали власти, кто должен понести ответственность за гибель людей, как правило, ведутся лишь в первые недели после события.

Со временем же теракты превращаются в законченные истории со своей понятной логикой. В каждой такой истории четко распределены роли виновных и пострадавших — и проговорен коллективный запрос общества, возникший после травматичного события. Часто такой запрос (скажем, на ужесточение миграционной политики или антиэкстремистского законодательства) оказывается важнее потребностей пострадавших от теракта и их семей.

И эти истории определяют, как мы будем воспринимать последующие события. Теракт в «Крокусе» — это не только массовое убийство в концертном зале, но и «новый „Норд-Ост“», то есть не только нынешние ужас и горе, но и воспоминание об уже пережитых ужасе и горе.

Индивидуальная память о событиях, в какой-то степени травмировавших или оставивших заметный след

в обществе, всегда зависит от коллективной памяти. Мы помним не только и, может, даже не столько «Норд-Ост» или Беслан, сколько совместное переживание и тот смысл, который мы постфактум совместно придумали этому переживанию: «мы беззащитны», «государству на нас плевать» или еще что-то.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Мама погибла, когда мне было 15. Не было ни дня, чтобы я не думала, что собой представляет теракт»
Эфир «Дождя» о стрельбе в «Крокусе» вела Екатерина Котрикадзе. Ее мама стала жертвой взрыва дома на улице Гурьянова в 1999-м

Это «мы» и «нас» очень важно. Коллективная память о терактах становится частью идентичности, когда есть ощущение, что нечто ужасное и экстраординарное случилось с «нами» — не только с непосредственными жертвами, но и с теми, кто не имеет с жертвами никакой личной связи, а лишь общую идентичность (гражданскую, национальную или еще какую-то). «Норд-Ост», Беслан и вот теперь «Крокус» — это нападения не только на конкретных людей, а на всех «нас».

Государства пытаются пытаются монополизировать интерпретацию любого коллективного горя, будь то голод, геноцид, война или теракт. Владимир Путин после Беслана сделал это вопиюще прямолинейным образом:

объявил, что теракт с сотнями жертв случился из-за ослабления государства, и под этим предлогом отменил губернаторские выборы и принялся «закручивать гайки».

Что мы чувствуем?

Это во многом зависит от возраста.

Люди старше тридцати хорошо помнят длинную череду терактов конца девяностых и нулевых: взрывы домов в Москве и Волгодонске (1999), взрыв в Москве на Пушкинской (2000), взрыв в Каспийске (2002), «Норд-Ост» (2002), взрывы на фестивале «Крылья» в Тушине (2003), подрыв поезда «Кисловодск — Минводы» (2003), взрыв в московском метро на «Автозаводской» (2003), Беслан (2004), взрывы в московском метро на «Лубянке» и «Парке культуры» (2010), взрыв в «Домодедове» (2011) — и это далеко не полный список.

Кто это помнит — к тому наверняка вернулись знакомые чувства тех времен: осознание, что в любой момент ты или твой близкий может внезапно погибнуть; страх перед большими скоплениями людей; лихорадочный торг с самим собой: в прошлый раз взорвали второй вагон поезда метро — сяду-ка в четвертый.

То, что эти чувства в последние лет десять были изжиты и почти забылись, стало большим достижением

российского общества — при всем том, что чувства, которые их заместили, далеко не всегда были добрыми.

Теперь тот опыт, вероятно, окажется ценным и будет передан тем, кто сам всего этого не пережил, для кого взрывы домов посреди ночи или на рок-фестивале — не личное воспоминание, а какая-то байка старших родственников или статья в «Википедии».

Мы не знаем, останется ли «Крокус» отдельным чудовищным эксцессом — или, не дай бог, станет началом новой череды терактов. Но коллективная память о повседневном страхе уже пробудилась — и страх вернулся. Теперь он снова с нами.

Редакция «Сигнала»
